

Эмили Сент-Джон
МАНДЕЛ

СТЕКЛЯННЫЙ
ОТЕЛЬ

INSPIRIA

Москва
2020

УДК821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М23

Emily St. John Mandel
THE GLASS HOTEL

Copyright © Emily St. John Mandel, 2020
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© MarioGuti / iStockphoto / Gettyimages.ru; © alexkoral / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с английского *Яны Барсовой*

Мандел, Эмили Сент-Джон.
М23 **Стеклянный отель / Эмили Сент-Джон Мандел ;**
[перевод с английского Я. В. Барсовой]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-113692-5

На берегу острова Ванкувер, повернувшись лицом к океану, стоит фантазм из дерева и стекла – невероятный отель, запрятанный в канадской глуши. От него, словно от клубка, тянутся ниточки, из которых ткется запутанная реальность, в которой все не те, кем кажутся, и все не то, чем кажется. Здесь на панорамном окне сверкающего лобби появляется угрожающая надпись: «Почему бы тебе не поесть битого стекла?» Предназначена ли она Винсент – отстраненной молодой девушке, в прошлом которой тоже есть стекло с надписью, а скоро появятся и тайны посерьезнее? Или, может, дело в Поле, брате Винсент, которого тянет вниз невысказанная вина и зависимость от наркотиков? Или же адресат Джонатан Алкайтис, таинственный владелец отеля и руководитель на редкость прибыльного инвестиционного фонда, у которого в руках так много денег и власти?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-113692-5

© Барсова Я., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*Посвящается
Кассии и Кевину*

Часть
ПЕРВАЯ

I.
Винсент в океане

Декабрь 2018 года

1.

Начнем с конца: падение за борт корабля во тьму и неистовый шторм, дыхание перехватывает от ужаса, камера летит вниз под дождем...

2.

«Смети меня». Слова, которые я написала на окне, когда мне было тринадцать. Я шагнула назад, маркер выпал у меня из рук. До сих пор помню то возбуждение, эйфорию, как солнце, сверкающее в осколках стекла...

3.

Я уже выплыла на поверхность? Смертельный, невыносимый холод...

4.

Странное воспоминание: мне тринадцать, я стою на берегу в Кайетт со своей классной новой видеокамерой, которую так непривычно держать

в руках, снимаю пятиминутные видео с волнами, и вдруг мне шепчет на ухо мой собственный голос: «Я хочу домой, хочу домой, хочу домой» — но ведь я и так дома?

5.

Где я? Уже не в океане и не на суше, больше не чувствую холода, не чувствую совсем ничего. Где-то проходит граница, но я не знаю, где нахожусь. Кажется, я могу с легкостью переключаться между воспоминаниями, как переходят из одной комнаты в другую...

6.

«Добро пожаловать на борт», — сказал третий помощник капитана, когда я впервые поднялась на борт «*Neptune Cumberland*». Я взглянула на него, и что-то меня поразило; я подумала: «Ты...»

7.

Я вне времени...

8.

Я хочу увидеть брата. Я слышу, как он со мной разговаривает, во мне нарастает волнение от воспоминаний о нем. Я изо всех сил собираюсь с мыслями и

внезапно оказываюсь на узкой улочке незнакомого города, в темноте и под дождем. Прямо передо мной на ступеньках падает мужчина, и я знаю наверняка, что это мой брат, хотя не видела его уже лет десять. Пол поднимает глаза: он выглядит ужасно, исхудавший и измученный, он замечает меня, но потом улица пропадает...

II. *Я всегда прихожу к тебе*

1994 и 1999

1.

В конце 1999 года Пол изучал финансы в университете Торонто и должен был чувствовать себя победителем, но на деле все в его жизни шло наперекосяк. Он думал, что будет заниматься музыкой, но пару лет назад у него случился тяжелый период, и он продал свой синтезатор. Мать была не в восторге от перспективы, что он будет получать «бесполезное» образование, и после его дорогостоящего лечения от наркозависимости ее трудно было в этом винить, поэтому он поступил на финансы, пытаясь доказать, что повзрослел и стал мыслить разумно: «*Видишь, я изучаю рынки и денежный оборот!*» — однако столь блестящему плану не суждено было сбыться, потому что эта сфера оказалась ему на редкость неинтересна. Двадцатый век подходил к концу, и у Пола накопились к нему претензии.

Он рассчитывал, по меньшей мере, занять достойное положение в обществе, но беда в том, что, когда ты выпадаешь из социума, жизнь вокруг не останавливается. Пол то с головой погружался в употребление веществ, то перебивался изматывающей и унижительной работой менеджером по продажам, пытаясь не думать о наркотиках, клинике и реабилитации. Тем временем ему исполнилось 23 года, и он выглядел

старше своих лет. В первые недели учебы он ходил на вечеринки, но ему никогда не удавалось с легкостью завязывать разговоры с незнакомцами, к тому же он чувствовал себя на фоне окружающих чуть ли не стариком. Экзамены в середине семестра он сдал плохо и к концу октября или пропадал в библиотеке — читал учебники и судорожно пытался хоть немного заинтересоваться финансами, найти выход из положения, — или сидел у себя в комнате, а за окном сгушался холод. В комнате он жил один: Пол и его мать сошлись во мнении, что было бы катастрофой, если бы сосед Пола тоже оказался наркоманом, поэтому он почти всегда пребывал в полном одиночестве. Комната была до того маленькой, что он едва ли не страдал от клаустрофобии и потому предпочитал сидеть у окна. Пол практически ни с кем не общался, разве что обменивался с людьми дежурными репликами. На горизонте маячила мрачная тень экзаменов, учебные дела не предвещали ничего хорошего. Он пытался сосредоточиться на теории вероятности и мартингалах с дискретным временем, но постоянно мысленно возвращался к фортепианной композиции, которую никак не мог дописать, — незамысловатой мелодии в до-мажоре с внезапными вкраплениями минорных мотивов.

В начале декабря он вышел из библиотеки с Тимом, который посещал два курса вместе с Полом и тоже сидел на лекциях на последнем ряду.

— У тебя есть сегодня планы на вечер? — спросил Тим. Впервые за долгое время к нему кто-то обратился с вопросом.

— Я думал, может, сходить на какой-нибудь концерт.

На самом деле Пол даже не думал об этом до того момента, как сказал вслух, но концерт показался ему

подходящим занятием на вечер. Тим слегка оживился. В прошлый раз они тоже говорили о музыке.

— Я хотел сходить на одну группу, «Baltica», но мне надо готовиться к экзаменам. Слыхал про них? — спросил Тим.

— Про экзамены? Еще бы, я просто с ума схожу.

— Нет. Про «Baltica». — Тим растерянно заморгал.

Пол вспомнил, что Тим не понимает юмора: он еще в прошлый раз это заметил. В общении Тим напоминал антрополога с другой планеты. Пол надеялся, что они смогут подружиться, но с трудом представлял, с чего начать разговор. *«Я вижу, ты такой же одинокий и отчужденный, как и я, не хочешь сравнить конспекты?»* В любом случае Тим уже ушел и растворился в осенней тьме. Пол взял несколько воскресных газет со стойки с прессой у кафе и вернулся к себе в комнату, включил пятую симфонию Бетховена и стал просматривать список мероприятий, пока не наткнулся на «Baltica». Они выступали поздно вечером в клубе, о котором он впервые слышал, на углу улиц Куин-вест и Спадина-авеню. Когда он в последний раз был на концерте? Пол поставил начес, потом убрал его, потом передумал и снова сделал начес, поменял три рубашки и наконец выскочил из дома, преисполненный отвращения к собственной нерешительности. На улице похолодало, но холодный воздух освежал голову, к тому же врачи советовали ему заниматься физическими упражнениями, поэтому он решил пройтись пешком.

Клуб находился в подвале, вниз по крутой лестнице под магазином готической одежды. Он крадучись шел по тротуару, боясь, что клуб тоже окажется готическим и над ним будут смеяться из-за его джинсов и рубашки-поло, но охранник почти не обратил на него внима-

ния, а вампиров среди посетителей затесалось не больше половины. В группе «Baltica» было трое участников: парень с бас-гитарой, еще один парень с набором замысловатых электронных инструментов, подключенных к синтезатору, и девушка с электроскрипкой. То, что они играли, напоминало не столько музыку, сколько расстроенное радио, вспышки странных бесвязных звуков вроде эмбиент-электроники, которую Пол, давний ценитель Бетховена, совершенно не понимал, но девушка была красивой: пускай музыка не доставляла ему удовольствия, зато смотреть на нее было приятно. Она пела в микрофон: «*Я всегда прихожу к тебе*», но из-за эха, которое возникало, когда клавишник нажимал на педаль, выходило:

*Я всегда прихожу к тебе, прихожу к тебе,
прихожу к тебе, —*

и голос в сочетании с электронными звуками и оглушающими помехами звучал дисгармонично, но потом девушка взяла в руки электроскрипку, и все изменилось. Когда она подняла смычок, зазвучавшая нота пролегла связующей нитью между островами помех, и Полу показалось, что скрипка, помехи и призрачная бас-гитара на фоне прекрасно сочетаются; на миг музыка его захватила, но девушка опустила скрипку, звучание распалось на отдельные элементы, и Пол снова недоумевал, как такое вообще можно слушать.

После концерта, когда музыканты выпивали в баре, Пол выждал момент и ринулся к скрипачке, пока она ни с кем не разговаривала.

— Привет, извини, что вклиниваюсь, мне очень понравилась ваша музыка, — сказал Пол.